

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

UDC 101.1:316

LBC 87.6



Submitted: 11.03.2026

Accepted: 29.05.2026

CRITICISM OF POSTHUMANISM, TRANSHUMANISM, AND JUSTIFICATION FOR RECOGNIZING TECHNOLOGICALLY MODIFIED HUMANS

Daniil V. Iunusov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article analyzes posthumanism and transhumanism as competing philosophical discourses that construct the techno-modified subject in different ways within contemporary technoculture. The accelerated development of NBIC technologies, artificial intelligence systems, and bioengineering shifts the technological modification of human beings into the realm of acute socio-political problems. Practices of genetic editing and cyborgization highlight issues concerning the boundaries of the human, the redistribution of resources, and new configurations of power and inequality. The author shows that the posthumanist perspective provides a critical vocabulary for deconstructing the boundaries between the human and the non-human, as well as for detailing distributed and hybrid subjectivity. However, the radical deconstruction of the autonomous subject complicates the development of positive normative criteria: it becomes unclear how to allocate responsibility, justice, and dignity within complex networks of relations. Transhumanism, in turn, articulates the values of autonomy and the right to technological self-improvement aimed at overcoming biological limitations, enhancing cognitive abilities, and radically extending lifespan. Nevertheless, this project does not sufficiently take into account the socio-political consequences of techno-differences. The dominant techno-commercial versions of transhumanism have an individualistic orientation and ignore risks such as unequal access to technologies, the exclusion of “unenanced” individuals, and status conflicts. As an alternative framework, the article draws on the tradition of Russian cosmism, where overcoming human limitations is conceived not as an individual privilege, but as a collective “common cause” based on solidarity and equal access. The author concludes that it is necessary to supplement these discourses with theories of recognition and the analysis of practices of inclusion and exclusion. The integration of the category of recognition will allow moving from the critique of future scenarios to the development of a comprehensive normative model of technoculture, where overcoming limitations is combined with preserving the dignity and mutual respect of the participants in social interaction.

Key words: posthumanism, transhumanism, technoculture, recognition, normative model of technoculture, technological modification of the human being.

Citation. Iunusov D.V. Criticism of Posthumanism, Transhumanism, and Justification for Recognizing Technologically Modified Humans. *Logos et Praxis*, 2026, vol. 25, no. 2, pp. 66-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Дата поступления статьи: 11.03.2026

Дата принятия статьи: 29.05.2026

КРИТИКА ПОСТГУМАНИЗМА, ТРАНСГУМАНИЗМА И ОБОСНОВАНИЕ ПРИЗНАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Даниил Валиевич Юнусов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются постгуманизм и трансгуманизм как конкурирующие философские дискурсы, по-разному конструирующие техномодифицированного субъекта в условиях современной

технокультуры. Ускоренное развитие НБИК-технологий, систем искусственного интеллекта и биоинженерии переводит технологическую модификацию человека в плоскость острых социально-политических проблем. Практики генетического редактирования и киборгизации актуализируют вопросы о границах человеческого, перераспределении ресурсов и новых конфигурациях власти и неравенства. Автор показывает, что постгуманистическая перспектива дает критический язык для деконструкции границ человеческого и нечеловеческого, а также детального описания распределенной и гибридной субъектности. Однако радикальная деконструкция автономного субъекта затрудняет выработку позитивных нормативных критериев: становится неочевидно, как распределять ответственность, справедливость и достоинство в сложных сетях отношений. Трансгуманизм, в свою очередь, формулирует ценности автономии и артикулирует право на технологическое самосовершенствование в целях преодоления биологических ограничений, усиления когнитивных способностей и радикального продления жизни. Тем не менее этот проект недостаточно учитывает социально-политические последствия техноразличий. Доминирующие технокоммерческие версии трансгуманизма имеют индивидуалистическую установку и игнорируют такие риски, как неравенство доступа к технологиям, исключение «неулучшенных» индивидов и конфликты новых статусов. В качестве альтернативной рамки в статье привлекается традиция русского космизма, в которой преодоление человеческих ограничений мыслится не как индивидуальная привилегия, а как коллективное «общее дело», основанное на солидарности и равном доступе. Автор приходит к выводу о необходимости дополнения этих дискурсов теориями признания и анализа практик включения и исключения. Интеграция категории признания позволит перейти от критики сценариев будущего к разработке полноценной нормативной модели технокультуры, где преодоление ограничений сочетается с сохранением достоинства и взаимного уважения участников социального взаимодействия.

Ключевые слова: постгуманизм, трансгуманизм, технокультура, признание, нормативная модель технокультуры, технологическая модификация человека.

Цитирование. Юнусов Д. В. Критика постгуманизма, трансгуманизма и обоснование признания технологически модифицированного человека // *Logos et Praxis*. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 66–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2026.2.7>

Введение

Ускоренное развитие НБИК-технологий, биоинженерии, нейроинтерфейсов и систем искусственного интеллекта переводит технологическую модификацию человека в область социально-политических проблем. Практики радикального улучшения, в отличие от компенсирующей терапии, усиливают вопрос о границах человеческого, перераспределении уязвимости и ресурсов, а также о новых конфигурациях власти и неравенства.

Ключевые философские отклики формируются в дискурсах постгуманизма и трансгуманизма. Постгуманизм у Д. Харауэй [Харауэй 2017], Н.К. Хэйлс [Hayles, 1999], Р. Брайдотти [Брайдотти 2021], Ф. Феррандо [Феррандо, 2022] деконструирует границу «человек-нечеловек», критикует гуманистический образ автономного субъекта и описывает гибридные формы субъектности. Трансгуманизм, напротив, проектирует нормативную программу улучшения человека, опираясь на Н. Бострома [Bostrom 2014], документы Humanity+ и Transhumanist FAQ [Transhumanist FAQ web].

В российском контексте трансгуманизм и его критика представлены в работах А.А. Болонкина [Болонкин 2007], В.А. Кутырева [Кутырев 2010], Д.И. Дубровского [Дубровский web], П.В. Кайгородова [Кайгородов 2014], а также в коллективных исследованиях о трансгуманизме и техносетях [Аверьянов и др. web]. Существенный массив критики развивают Л.Г. Черемных [Черемных, Губанов web], Ю.В. Жолобова и Е.А. Счастливцева [Жолобова, Счастливцева 2019], А.Ф. Поломошнов [Поломошнов 2017]. Генетически мотив преодоления ограничений соотносится с русским космизмом В.И. Вернадского [Вернадский 1993] и Н.Ф. Федорова [Федоров 1906], однако постмодерные версии пост- и трансгуманизма часто индивидуализируют антропотехническое совершенствование и сопрягают его с рыночной коммерциализацией технологий.

Эти процессы накладываются на более общий тренд неустойчивости индивидуальной и социальной идентичности в условиях глобализации. Цифровые коммуникации позволяют конструировать и даже скрывать персональную идентичность ради позитивной социальной оценки, что сопровождается деперсона-

лизацией как ценой отказа от целостности прежнего «Я» [Поздеева 2018, 194].

При интенсивности дискуссий сравнительно слабо исследованы формы признания и непризнания техномодифицированных субъектов, механизмы включения и исключения и институциональные рамки допустимого преобразования человеческого. Цель статьи состоит в критическом анализе предпосылок пост- и трансгуманизма и постановке проблемы дефицита институционального и социального признания в оценке биотехнических вмешательств. Методология опирается на критико-аналитический и сравнительный подходы с элементами дискурса-анализа. Новизна связана с интерпретацией обоих дискурсов через призму признания как ресурса социальной интеграции и легитимации различий.

Постгуманистическое переопределение субъекта в технокультуре

Постгуманизм объединяет подходы, проблематизирующие гуманистический образ автономного, рационального и центрированного субъекта. В отличие от трансгуманизма, сохраняющего антропоцентрическую оптику и трактующего человека как проект улучшения [Bostrom, 2014], постгуманизм концентрируется на деконструкции границы человеческого и нечеловеческого [Харауэй 2017; Hayles 1999; Брайдотти 2021; Феррандо 2022]. Он исходит из того, что человек уже включен в сети отношений с технологиями, животными, экосистемами и информационными средами.

Фигура киборга у Д. Харауэй фиксирует гибридность органического и технического и подрывает бинарные оппозиции «человек-машина» и «человек-животное» [Харауэй 2017, 9]. Н.К. Хэйлс показывает смещение акцента с телесного носителя на информацию и описывает постчеловека как узел потоков, а не как устойчивое внутреннее «Я» [Hayles 1999, 2]. Р. Брайдотти, критикуя универсалистский образ человека европейской традиции, предлагает концепцию «номадического субъекта», задающий множественность и подвижность субъектности [Брайдотти 2021, 98]. Ф. Феррандо различает постгуманизм, трансгуманизм и антигуманизм и подчеркивает расширение агентности и круга

морально и политически значимых субъектов за пределы *Homo sapiens* [Феррандо 2022, 317].

Генеалогически постгуманистический поворот связан с критикой субъекта у М. Фуко и у Ж. Делеза и Ф. Гваттари. М. Фуко анализирует дисциплинарную власть и биополитику, показывая, как институты формируют тела и популяции через нормализацию и контроль [Фуко 1999, 198]. Ж. Делез и Ф. Гваттари описывают субъективность как динамику потоков и сборок и тем самым подрывают представление о субъекте как стабильном носителе идентичности [Делез, Гваттари 2010, 223]. Эти линии усиливают язык описания гибридной субъектности, но одновременно обостряют нормативный вопрос о том, как определять ответственность, права и обязанности в условиях распределенной субъектности.

Трансгуманизм как проект технологического улучшения человека

Трансгуманизм задается как нормативный проект радикального улучшения человека средствами науки и техники, сохраняя антропоцентрическую перспективу: человек признается исходной точкой моральной оценки, но его природа мыслится как открытая для направленного совершенствования. В работах Н. Бострома и в документах Humanity+ трансгуманизм описывается как программа преодоления биологических ограничений и конструирования постчеловеческого состояния с расширенной продолжительностью жизни, усиленными когнитивными способностями и увеличенной свободой выбора [Bostrom 2014, 48].

Transhumanist FAQ (Humanity+) фиксирует цели радикального продления жизни, поддержания когнитивных функций и применения генной инженерии и нанотехнологий для долговременной функциональности тела [Transhumanist FAQ web]. В числе перспективных направлений обозначаются интерфейсы «мозг – компьютер», фармакологические средства и когнитивные практики усиления, развитие искусственного интеллекта, а также сценарий «загрузки сознания» как путь к цифровому бессмертию [Bostrom 2014, 25]. В результате классические гуманистические ценности автономии и самосовершенствования переформируются в технологически ориентированном горизонте.

В российском контексте радикально технооптимистическую линию развивает А.А. Болонкин, описывающий переход к «электронной цивилизации» и модели цифрового бессмертия [Болонкин 2007, 24]. П.В. Кайгородов показывает, как трансгуманизм конструирует антропологию, где тело трактуется как модуль, а личность определяется функциональными и информационными характеристиками [Кайгородов 2014, 129]. Д.И. Дубровский, анализируя перенос сознания на искусственный носитель, указывает на спекулятивность многих моделей и дефицит четких критериев идентичности и субъективного переживания [Дубровский web]. При различии оценок общим остается тезис о нарастающей роли технологических вмешательств, что требует систематического социально-философского анализа, включая оценку социальных последствий.

Ограничения постгуманизма в отношении нормативности и признания

Постгуманистические концепции убедительно демонстрируют гибридный характер субъекта в технокультуре и историческую подвижность границы человеческого и нечеловеческого [Харауэй 2017, 14; Hayles 1999, 95; Феррандо 2022, 323]. Однако радикальная деконструкция субъекта, несмотря на разработку постантропоцентрической этики (номадической, витальной) порождает дефицит институционально-правовой опоры: в условиях растворения субъекта в сетях отношений и сборок, то становится неочевидно, кому адресовать требования справедливости, на чем строить критерии моральной оценки и в каких понятиях говорить о правах и обязанностях гибридных форм жизни.

Это напряжение усиливается в связи с генеалогической критикой субъекта. М. Фуко вскрывает механизмы дисциплинарной власти и биополитики [Фуко 1999, 435], а Ж. Делез и Ф. Гваттари предлагают язык потоков и сборок [Делез, Гваттари 2010, 52]. Постгуманизм радикализирует эти интуиции в условиях цифровых сетей и биотехнологий, предоставляя сильное описание распределенной субъектности, но не давая достаточного ответа на вопросы распределения ответственности, вины и нормативного статуса.

Дополнительный слой сложности задает анализ поздней технокультуры. Ж. Бодрийяр показывает, как медийная реальность размывает различия между реальным и виртуальным и осложняет традиционные формы моральной оценки [Baudrillard 1993, 83]. Э. Дэвис исследует квазирелигиозные ожидания, формирующиеся вокруг цифровых технологий, и фиксирует одновременную мобилизацию и размывание привычных представлений о добре, зле и ответственности [Дэвис 2008, 15]. В этих условиях постгуманистическая диагностика оказывается сильнее, чем нормативная артикуляция процедур коллективной оценки допустимых и недопустимых форм техномодификации. Следовательно, для социально-философского анализа техномодифицированного субъекта постгуманистическую перспективу требуется дополнять рамкой, описывающей признание, непризнание и борьбу за признание в технокультуре.

Социально-философская критика трансгуманизма

Критика трансгуманизма исходит из того, что он сочетает технооптимизм с индивидуалистической установкой. В.А. Кутырев трактует трансгуманизм как проект абсолютизации технических средств и редукции человеческой сущности к набору параметров инженерной настройки [Кутырев 2010, 2]. Ф. Фукуяма подчеркивает, что радикальные биотехнологические вмешательства способны подорвать идею равенства, поскольку политический статус начинает зависеть от доступа к технологиям и готовности применять их [Фукуяма 2004, 19].

В российской мысли критика получает также идеологическое измерение: в докладе Изборского клуба «Трансчеловек против человека» В.И. Аверьянов, В.И. Баранов, А. Комогорцев и соавторы показывают, что трансгуманистические проекты воспринимаются частью общества как угроза «традиционному человеку» и культурным основаниям человеческого мира [Аверьянов и др. web]. Тем самым конфликт касается не только индивидуального выбора, но и коллективных критериев того, кого считать человеком и какие пределы вмешательства допустимы.

Для анализа последствий трансгуманистических программ продуктивно различать

мега-, макро-, мезо- и микроуровни: от человечества в целом до отдельных индивидов. На этих уровнях трансгуманизм фактически участвует в переконфигурации критериев «нормальности» и «девиации», «человеческого» и «нечеловеческого». Важный пласт критики связан с техноразличиями: усилением стратификации между «улучшенными» и «неулучшенными», ростом уязвимости тех, кто не имеет доступа к технологиям, и возникновением новых форм дискриминации по степени техномодификации [Черемных, Губанов web]. Ю.В. Жолобова и Е.А. Счастливецва подчеркивают риск переноса внимания с преобразования социальных отношений на техническую перестройку индивида, что способно закреплять неравенство в телесных и когнитивных параметрах [Жолобова, Счастливецва 2019, 17]. Религиозно-философская критика у А.Ф. Поломошнова трактует трансгуманизм как антропологический волюнтаризм и секуляризованную версию спасения через технологии [Поломошнов 2017, 23].

Во всех линиях критики ключевой остается проблема признания. Трансгуманизм предполагает, что доступ к технологиям и готовность ими воспользоваться автоматически улучшают положение субъектов и что институты адаптируются к новым формам жизни. Однако остается открытым вопрос о признании техномодифицированных субъектов как полноправных участников сообществ, о преобразовании критериев нормальности и о процедурах легитимации допустимых форм улучшения. Без анализа структуры признания и механизмов включения и исключения трансгуманизм рискует оставаться технократической утопией, не учитывающей конфликты интересов и ценностей.

Русский космизм и проекты преодоления человеческих ограничений

Русский космизм задает альтернативную рамку обсуждения преодоления ограничений. У В.И. Вернадского человечество описывается как геологическая сила, включенная в эволюцию биосферы и переходящая к ноосфере, где разумная деятельность становится определяющим фактором преобразования среды. Концепция «автотрофности чело-

вечества» предполагает расширение возможностей самоподдержания и саморазвития [Вернадский 1993]. У Н.Ф. Федорова преодоление смерти мыслится как «общее дело», связанное с коллективной ответственностью и солидарностью поколений, а не как индивидуальная привилегия [Федоров 1906, 115].

Сопоставление с трансгуманизмом выявляет различие в понимании субъекта и справедливости: либертарианское течение трансгуманизма, в отличие от его демократических версий, ориентированных на равный доступ, акцентирует право индивида распоряжаться телом и сознанием, тогда как космизм в своем изначальном идеале, несмотря на исторические риски элитарных трактовок, связывает радикальные проекты с участием, равенством в доступе к плодам прогресса и вниманием к исключенным. Это различие поддерживает вывод о необходимости анализа признания как категории, позволяющей оценивать не только технологические сценарии, но и формы общественных отношений, через которые проекты техномодификации получают легитимацию или, напротив, порождают отчуждение и конфликт.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1.1. Постгуманистические и трансгуманистические подходы по-разному отвечают на вопрос о будущих формах человеческого существования в условиях технокультуры, но в обоих случаях сохраняют односторонность. Постгуманизм концентрируется на критике классического субъекта и подчеркивает гибридность и распределенность субъектности в сетях людей, технологий и иных агентов. Трансгуманизм, напротив, выстраивает нормативный проект технологического улучшения, в центре которого находится автономный индивид, распоряжающийся телом и сознанием в горизонте продления жизни, усиления когнитивных способностей и преодоления биологических ограничений.

2.2. Анализ постгуманизма выявляет его объяснительную силу в деконструкции привычных границ человеческого. Он дает язык для описания сращивания биологического, техни-

ческого и информационного уровней и изменений представлений о телесности, идентичности и автономии в сетевых и алгоритмических средах. Однако размывание устойчивого субъекта затрудняет формулирование позитивной нормативной позиции. Возникает вопрос, на каком основании говорить об ответственности, справедливости и достоинстве, если носитель прав и обязанностей понимается как временный узел распределенной конфигурации взаимодействий людей, технологий и институтов. В результате остаются недостаточно проработанными критерии оценки техномодификаций и основания равенства, когда сам человеческий статус становится проблематичным.

Трансгуманизм, напротив, предлагает более определенный набор ценностных ориентиров, связанных с автономией, правом на самоуправление и допустимостью вмешательства в тело и психику ради расширения возможностей. Это позволяет формулировать требования к политике в области биомедицины, нейротехнологий и цифровых сервисов и обсуждать пределы использования радикальных технологий. Вместе с тем акцент на индивидуальном выборе ослабляет социально-политическое измерение проблемы. Недостаточно раскрыто, как меняются отношения между «улучшенными» и «неулучшенными», какие формы неравенства и исключения порождают технологические различия и как обеспечить признание тех, кто не соответствует образу «улучшенного» субъекта или не разделяет соответствующие нормы. Поэтому остаются неопределенными механизмы общественного обсуждения и институционального закрепления этих вопросов как значимой коллективной повестки.

1.3. Обращение к русскому космизму показывает, что мотив преодоления человеческих ограничений не является исключительной особенностью современных техноутопий. В отечественной традиции он связан не с индивидуальным проектом самосовершенствования, а с коллективной установкой на преобразование человеческого существования, солидарностью поколений и ответственностью за общее будущее. Преодоление смерти и расширение горизонтов человеческой жизни мыслится как «общее дело» и соотносится с участием, взаимной ответственностью и справедливым распределением возможностей научно-технического

развития. Тем самым фиксируется иная ценностная конфигурация, в которой радикальные трансформации рассматриваются через призму общественных отношений и механизмов включения, а не только индивидуальной выгоды или абстрактной эволюции.

2.4. Обобщая результаты, можно утверждать, что без обращения к категории признания и практикам признания и непризнания любая картина постчеловеческого будущего остается нормативно и социально незавершенной. Постгуманизм выявляет многомерность техномодифицированного субъекта, но не дает достаточных инструментов для описания его включения в устойчивые отношения и оснований притязаний на уважение и защиту. Трансгуманизм формулирует набор прав и свобод, но преимущественно в индивидуалистической перспективе, где социальные эффекты технологических различий оказываются вторичными.

Перспектива русского космизма указывает на возможность включения проектов преодоления смерти и ограничений в рамках коллективной ответственности, но требует перевода на язык современных институтов, норм и процедур. Необходимы формы регулирования, которые легитимируют цели и пределы техномодификации и одновременно предотвращают конфликты, связанные с новыми режимами неравенства и исключения.

С этой точки зрения дальнейшее исследование требует разворота к теориям признания и анализу того, как технологически модифицированные субъекты включаются или не включаются в пространство взаимного уважения, равенства и участия. Следует уточнить критерии признания применительно к новым конфигурациям человеческого и нечеловеческого, определить институты справедливого распределения видимости, ресурсов и голосов, а также описать конфликты и линии отчуждения вокруг доступа к улучшениям и отказа от них.

Детальная концептуализация механизмов признания выходит за рамки данной статьи, однако обоснованная нами теоретическая потребность в них позволяет перейти от критики к разработке нормативной модели технокультуры, в которой преодоление ограничений сочетается с сохранением достоинства и взаимного признания участников социального взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверьянов и др. web – *Аверьянов В.И., Баранов С., Комогорцев А., Черемных К.* Трансчеловек против человека: доклад Изборского клуба (31 окт. 2020) // <https://izborsk-club.ru/20212>
- Болонкин 2007 – *Болонкин А.А.* Бессмертие людей и электронная цивилизация: сб. ст., интервью, дискуссий о путях достижения бессмертия людей и будущем человечества. Нью-Йорк: Lulu, 2007.
- Брайдотти 2021 – *Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021.
- Вернадский 1993 – *Вернадский В.И.* Автотрофность человечества // *Русский космизм: антология философской мысли.* М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 288–303.
- Делез, Гваттари 2010 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Дубровский web – *Дубровский Д.И.* Кибернетическое бессмертие: фантастика или научная проблема? // <https://iphras.ru/uplfile/ai/dubrovsky2.pdf>
- Дэвис 2008 – *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М.: Ультра. Культура, 2008.
- Жолобова, Счастливецва 2019 – *Жолобова Ю.В., Счастливецва Е.А.* Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы // *Вестник Вятского государственного университета.* 2019. № 2 (132). С. 14–22. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014
- Кайгородов 2014 – *Кайгородов П.В.* Трансгуманизм: ценностные установки в моделях человека // *Человек.RU.* 2014. № 9. С. 127–131.
- Кутырев 2010 – *Кутырев В.А.* Философия трансгуманизма. Н. Новгород: Нижегород. ун-т, 2010.
- Поздеева 2018 – *Поздеева С.М.* Кризис идентичности в условиях глобализации // *Научные труды КубГТУ.* 2018. № 10. С. 191–196.
- Поломошнов 2017 – *Поломошнов А.Ф.* Кризис и судьба гуманизма в современном мире // *Вестник Донского государственного аграрного университета.* 2017. Т. 23, № 2-2. С. 23–31.
- Федоров 1906 – *Федоров Н.Ф.* Философия общего дела: статьи, мысли и письма Николая Федоровича Федорова. Т. 1. Верный: Тип. Семиречен. обл. правл., 1906.
- Феррандо 2022 – *Феррандо Ф.* Философский постгуманизм. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фукуяма 2004 – *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004.
- Харауэй 2017 – *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Черемных, Губанов web – *Черемных Л.Г., Губанов Н.Н.* Концепт постчеловека в современном философском дискурсе // *Гуманитарный вестник.* 2023. № 1. С. 1–11.
- Baudrillard 1993 – *Baudrillard J.* The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. L.: Verso, 1993.
- Bostrom 2014 – *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hayles 1999 – *Hayles N.K.* How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.
- Transhumanist FAQ web – Transhumanist FAQ [Humanity+] // <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq>

REFERENCES

- Averyanov V.I., Baranov S., Komogortsev A., Cheremnykh K. *Transhuman versus Human: Report of the Izborsky Club. Izborsky Club (October 31, 2020).* URL: <https://izborsk-club.ru/20212>
- Bolonkin A.A., 2007. *Immortality of People and Electronic Civilization: A Collection of Articles, Interviews, and Discussions on Achieving Human Immortality and the Future of Humanity.* New York, Lulu.
- Braidotti R., 2021. *The Posthuman.* Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara.
- Vernadsky V.I., 1993. *Autotrophy of Humanity. Russkii kosmizm: antologiya filosofskoi mysli.* Moscow, Pedagogika-Press, pp. 288-303.

- Deleuze G., Guattari F., 2010. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Yekaterinburg, U-Faktoriya Publ.; Moscow, Astrel Publ.
- Dubrovsky D.I. *Cybernetic Immortality: Science Fiction or a Scientific Problem?* URL: <https://iphras.ru/uplfile/ai/dubrovsky2.pdf>
- Davis E., 2008. *TechGnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information*. Moscow, Ul'tra. Kul'tura Publ.
- Zholobova Yu.V., Schastlivtseva E.A., 2019. The Philosophical Content of Transhumanism in the Context of the Crisis of Human Nature. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (132), pp. 14-22. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014
- Kaigorodov P.V., 2014. Transhumanism: Value Orientations in Models of the Human Being. *Chelovek.RU*, no. 9, pp. 127-131.
- Kutyrev V.A., 2010. *Philosophy of Transhumanism*. Nizhny Novgorod, Nizhegor. un-t.
- Pozdyayeva, S. M., 2018. Identity Crisis in the Context of Globalization. *Nauchnye trudy KubGTU*, no. 10, pp. 191-196.
- Polomoshnov A.F., 2017. Crisis and the Fate of Humanism in the Contemporary World. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, vol. 23, no. 2-2, pp. 23-31.
- Fedorov N.F., 1906. *The Philosophy of the Common Task: Articles, Thoughts and Letters of Nikolai Fedorovich Fedorov. Vol. 1*. Vernyi, Tip. Semirechen. obl. pravl.
- Ferrando F., 2022. *Philosophical Posthumanism*. Moscow, HSE University Publishing House.
- Foucault M., 1999. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Moscow, Ad Marginem.
- Fukuyama F., 2004. *Our Posthuman Future, Consequences of the Biotechnology Revolution*. Moscow, AST Publ.; LYUKS.
- Haraway D., 2017. *A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s*. Moscow, Ad Marginem Press.
- Cheremnykh L.G., Gubanov N.N., 2023. The Concept of the Posthuman in Contemporary Philosophical Discourse. *Gumanitarnyi vestnik*, no. 1, pp. 1-11.
- Baudrillard J., 1993. *The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena*. London, Verso.
- Bostrom N., 2014. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford, Oxford University Press.
- Hayles N.K., 1999. *How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Transhumanist FAQ. *Humanity+*. URL: <https://www.humanityplus.org/transhumanist-faq>

Information About the Author

Daniil V. Iunusov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology, Zaki Validi St, 32, 450076 Ufa, Russian Federation, daniayunusov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4264-7991>

Информация об авторе

Даниил Валиевич Юнусов, аспирант кафедры философии и культурологии, Уфимский университет науки и технологий, ул. Заки Валиди, 32, 450076 г. Уфа, Российская Федерация, daniayunusov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4264-7991>